

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Научная статья / Research article

Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв.

И.Д. Пузырев^{a,b}

^aНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге,

198095, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17

^bИнститут проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН,
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86,
ipuzyrev@hse.ru

Аннотация: Предлагается проанализировать сведения о пограничной деятельности бухарцев, подойти к осмыслению феномена «разведки» и посредническо-дипломатической роли бухарцев через изучение различных аспектов российской политики на юго-восточном пограничье в XVII–XVIII вв. Полученный результат свидетельствует о том, что привлечение бухарцев к разведывательной деятельности могло осуществляться разными сценариями. Русские власти опрашивали приезжавших с торгом бухарцев, включали бухарцев в состав посольств, равным образом, как и посылали их в степи в качестве самостоятельных агентов. Бухарцев привлекали к переговорному процессу в роли переводчиков, и иногда они допускались до дипломатического церемониала, участвовали в дарообмене. Разведывательная деятельность некоторых бухарцев могла быть сопряжена с их предпринимательской активностью, торговлей. Привлечение их воеводами, а позднее и губернаторами к выполнению разведывательных функций позволяло сибирским и оренбургским властям проводить более эффективную политику в степном пограничье, опирающуюся на знание местных реалий. Сведения, сообщенные бухарцами, использовались русскими властями для составления чертежей и карт, информирования воевод пограничных уездов о военных опасностях, передвижения войск, проведения дипломатических переговоров и других целей.

Ключевые слова: Сибирь, Оренбург, фронтир, имперские посредники, Кучумовичи, казахские жузы

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках реализации стипендии Германского исторического института в г. Москве на 2021 г.

Для цитирования: Пузырев И.Д. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 388–398. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Siberian Bukharans in Russian mission: gathering intelligence in Russia's south-eastern borderlands, 17th–18th centuries

Ivan D. Puzyrev^{a,b}

^aNational Research University Higher School of Economics,
17, Promyshlennaya St., St. Petersburg, 198095, Russia

^bTyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
86, Malygina St., Tyumen, 625003, Russia,
ipuzyrev@hse.ru

Abstract: Siberian Bukharans were one of the most agile group of the native population of Western Siberia and the Urals in the 17th and 18th centuries. This paper analyzes information about the border activities of Bukharans, characterizes their participation in the implementation of Russian

© Пузырев И.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

foreign policy. The author considers the phenomenon of “intelligence” and the intermediary and diplomatic role of the Bukharans through the study of various aspects of Russian policy on the southeastern borderlands. The result shows that Bukharans were involved in intelligence activities in several forms. The Russian authorities could interview Bukharans who came to trade; they could include Bukharans in Russian embassies; or they could send them into the steppe as independent agents. The geography of their missions in the 17th and 18th centuries included the Kuchum lands, the Kazakh khanates, the Oirat and Dzungar lands, as well as the Qing Empire. Bukharans participated in the negotiations as interpreters and they were sometimes allowed to participate in diplomatic ceremonies such as gift exchange. The intelligence activities of some Bukharans could go hand in hand with their trade operations. Recruiting Bukharans for intelligence gathering tasks allowed the Siberian and Orenburg authorities to conduct a more effective policy in the steppe borderlands, based on the knowledge of local realities. The Russian authorities used information provided by the Bukharans for purposes such as drawing up maps, informing the voivodes of the borderlands about military dangers, the movement of troops, and diplomatic negotiations.

Keywords: Siberia, Orenburg, frontier, Imperial intermediaries, Kuchumovichi, Kazakh zhuz

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the German Historical Institute in Moscow. Scholarship for PhD students on 2021 year.

For citation: Puzyrev, Ivan D. “Siberian Bukharans in Russian mission: gathering intelligence in Russia’s south-eastern borderlands, 17th–18th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 388–398. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Введение

Данная статья посвящена выходцам из Средней Азии в России, известным в исторической литературе как бухарцы. В то же время уже со второй половины XVI в. шел процесс складывания поселений бухарцев в целом ряде городов, включая Тобольск, Тюмень, Тару. Именно бухарцы в рассматриваемый период стали важными посредниками, связывающими регионы от р. Волги до р. Обь своими торговыми маршрутами, поселениями и каналами информации на юго-восточных границах формирующейся Российской империи.

Роль бухарцев в пограничной дипломатии России до сих пор не была предметом специального исследования. Единственная работа в этом ключе – статья А.А. Крих, в которой рассматриваются преимущественно сибирские бухарцы г. Тары в XVIII в., в то время как имеющиеся источники позволяют рассматривать пограничную деятельность бухарцев в более широком хронологическом и территориальном контексте¹. И если опыт поволжских татар и их роль в продвижении интересов Российской империи в Среднюю Азию в XVIII–XIX вв. достаточно изучен, то этого нельзя сказать о бухарцах².

В рамках данной работы история бухарцев будет рассмотрена в контексте проблемы имперских посредников. Изучение данного сюжета позволяет выйти на вопрос о межрегиональных сетях, связывавших мусульман российского пограничья. Предлагается подойти к изучению поставленной проблемы через теоретическую модель имперских посредников. Данная теоретическая модель предложена историками Дж. Бербанк и Ф. Купером. В своей работе авторы отметили, что «чаще всего правители империй нуждались в навыках, знаниях и власти людей из элит подчиненных сообществ. Империи непреднамеренно создавали такие возможности для посредников, которые могли преследовать цели империи путем создания альтернативных ей сетей или лояльности»³.

¹ Крих А.А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 35–42.

² Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2020; Махмутов З.А. Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73.

³ Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the politics of difference*. Princeton University Press, 2010. P. 13

В рамках данной работы предпринята попытка раскрыть особенности посредническо-дипломатической роли бухарцев Приуралья и Западной Сибири в реализации внешней политики русскими властями пограничных регионов. Для этого необходимо рассмотреть пограничные «службы» бухарцев, их участие в разведывательной деятельности, отношениях России с центральноазиатскими акторами – наследниками Кучума, а также с казахскими жузами и ойратами.

Бухарцы в отношениях русских властей с Кучумовичами

С.В. Бахрушин и Х.З. Зияев отмечали, что уже с конца XVI – начала XVII в. можно наблюдать значительный, хотя далеко не равномерный приезд бухарских купцов в сибирские города⁴. В Поволжье бухарцы были уже во второй половине XVI в. Самоназвание бухарцев – сарты – фиксируется в русскоязычных источниках из Сибири по крайней мере с начала XVII в.⁵

Широкие возможности бухарцев и знание ими маршрутов в Средней Азии побуждало российские власти прибегать к их посредничеству. Однако не только торговые, но и разведывательные функции бухарцев побуждали власти выстраивать с ними особые отношения.

В конце XVI – начале XVII в., в период утверждения русской власти в Сибири, бухарцы воспринимались русскими как «иноземцы» и потенциальная угроза. Еще в наказе тарскому воеводе Ф.Б. Елецкому в 1595 г., в условиях сохраняющейся опасности со стороны хана Кучума и его наследников, тарским воеводам предписывалось докладывать о приезде бухарцев⁶. Появление этого предписания обусловлено тем, что в тот момент возникла возможность объединения сибирских, бухарских и ногайских сил. Анализ переписки между сибирским ханом Кучумом и бухарским ханом Абдаллахом II показал, что в 1595–1596 гг. между этими двумя ханами из династии Шибанидов произошел обмен грамотами, приведший к складыванию потенциального союза между ними⁷.

Понимание того, что бухарцы могли поддерживать связи с ханом Кучумом и осознание потенциальной опасности этих отношений привело к появлению предписания с требованием обеспечить безопасность на время пребывания бухарцев в Тарском остроге⁸. Бухарцев также предписывалось не допускать в укрепленную часть города, хотя, судя по содержанию писем 1595 г., опасались только Кучума и ногайских людей⁹. Опасения по поводу контактов Кучума и его приемников с бухарцами стали общим местом в наказах тарским воеводам. Соответствующее положение повторено в новом царском наказе тарскому воеводе Я.И. Старкову 1599 г.¹⁰

По мнению В.В. Трепавлова, появление предписания о недопущении осмотра бухарцами городских укреплений в сибирских городах говорит о вероятности их шпионажа в пользу Кучума и Кучумовичей¹¹. Действительно, шпионаж можно считать установленным, это подтверждает ряд воеводских отписок, о чем будет сказано ниже.

Вместе с тем уже в конце XVI – начале XVII в. в глазах русской воеводской власти бухарцы превращались из «чужих» в «своих» агентов. Будучи заинтересо-

⁴ Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 202.

⁵ Пузырев И.Д. О начальном периоде шертования сибирских бухарцев // Вопросы истории Сибири. Вып. 16. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 140–144.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁷ Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 229–243.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

⁹ Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 234.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 57 об.

¹¹ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 35.

ванными в торгово-посреднической деятельности бухарцев и осознавая возможность использования их торговых поездок для сбора информации, царские воеводы начали привлекать бухарцев к разведке. Текст царской грамоты 1608 г. тарскому воеводе И.В. Мосальскому свидетельствует, что бухарцы выступали источником таких сведений о перемещениях ойратов: «А бухарцы Мулларапко и Алияр сказали, что они в колмаках Изенею-тайши и Баатырю-тайши и иным тайшам давали однорятки и иную рухлядь <...> А как де их [бухарцев] отпустили на Тару, и говорили де им, что они нашей царской милости жадны, а идут воевати Казацкой орды, а жены свои и дети и весь живот свой, обнадежась на нашу царскую милость, оставляют в улусех блиско Тарского города»¹².

Аналогичного рода указания на то, что бухарцы сообщали русским воеводам сведения о передвижениях ойратов и ранних попытках установления отношений с Русским царством встречаются в документах, относящихся не только к Сибири, но и к Поволжью. Это следует из грамоты Михаила Федоровича Романова тюменским воеводам Ф.С. Коркодинову и И.Б. Секерину 1616 г. В этом документе отмечается приезд в Казань к воеводам тезика Болтая Мурзетеитова, сообщавшего что «был де он в колмаках, а в роспросе сказал, что колмацкие люди под нашею царскою рукою быти рады и послов своих к нам отпустили»¹³. «Тезиком» в данном документе также назван выходец из Средней Азии.

Судя по всему, на протяжении первой половины XVII в. бухарцы оставались двойными агентами, работавшими в том числе и в пользу Кучумовичей. Данные об их разведывательной деятельности содержит в себе отписка в Сибирский приказ тобольского воеводы И.И. Салтыкова 1645–1646 гг.¹⁴ Отписка была создана как отчет о посольствах тобольского сына боярского С. Кобылинского и казачьего головы Гаврилы Грозина к сибирскому царевичу – внуку хана Кучума – Девлет-Гирею. В ходе посольства Г. Грозина удалось собрать сведения о положении в улусах Кучумовичей, в частности, о роли бухарцев, регулярно посещавших Тобольск по своим торговым делам и сообщавших Девлет-Гирею сведения разведывательного характера. По сведениям Г. Грозина, которые передали в Москву в отписке тобольские воеводы, бухарцы снабжали Кучумовичей оружием¹⁵. Тому же посольству Г. Грозина 1646 г. удалось выяснить от бухаретина Узбаку, что Девлет-Гирей с князьцом Аялыных татар Тарского уезда Кочашом Танатаровым «похвалялся приходить на Тюменский уезд войною»¹⁶.

Тем самым, мы можем говорить о том, что в первой половине XVII в. бухарцы были включены в каналы передачи информации в российских пограничных уездах. В первое десятилетие после взятия Сибири Ермаком бухарцы явственно воспринимались в наказах и грамотах воеводам как потенциальная угроза русской власти. В то же время уже в начале XVII в. бухарцы выступали информаторами поволжских и сибирских воевод о ситуации в степи.

Бухарцы в отношениях России с казахскими жузами и ойратами

Важным направлением пограничной активности бухарцев были казахские степи. На этом направлении в середине XVII в. особенно заметна работа тобольского воеводы П.И. Годунова. По данным Г.Ф. Миллера, именно этот тобольский вое-

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

¹³ Там же. Ф. 199. Оп. 2. Порт. 477. Ч. 1. Л. 36–38.

¹⁴ Васьков Д.А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 1: История. 2015. С. 158–166.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 696.

¹⁶ Там же. Л. 685.

вода в 1670 г. составил «ведомость», где были собраны «сказки» бухарцев, отправлявшихся в степи¹⁷. Уместно было бы вспомнить в этой связи, что именно по распоряжению П.И. Годунова была составлена первая из известных к настоящему времени карт Сибири – «Чертеж Сибирской земли». Допускаем, что сведения, сообщенные в том числе бухарцами, могли лечь в основу этого чертежа.

Вместе с тем источники позволяют говорить о том, что бухарцы были информаторами не только тобольских, тюменских и тарских воевод, но и казахских ханов. В 1691 г. в Тобольск вернулся из экспедиции к Ямышеву озеру письменный голова Павел Шарьгин с ратными людьми, привезший с собой казахских мурз. Из допроса мурз видно, что бухарцы, торгующие на российском пограничье, могли выступать двойным каналом информации: «всякие же ведомости переносятся к Тевки-хану от бухарцов которые бывают для торгу в Тоболску и у Ямышева озера»¹⁸.

Привлечение бухарцев воеводской администрацией к разведывательной деятельности было характерно не только для городов Прииртышья. Крупные бухарские поселения сложились с начала XVII в. в Томске и его окрестностях. На основе изучения документов Томской воеводской избы историк И.И. Тыжнов пришел к выводу, что в 1624 г. томские воеводы привлекли бухарцев в качестве посредников для решения вопросов с енисейскими киргизами, направив их в качестве участников посольства¹⁹. В результате данного посольства намеченный военный поход не состоялся.

В первой четверти XVII в. важным направлением разведывательной деятельности бухарцев становятся владения ойратов. Из отписки тюменских воевод к тобольским воеводам 1623 г. видно, что к калмыцким тайшам были посланы тобольские татары и бухарцы: «в нынешнем во 131-ом году посланы к калмыцким тайшам к Талай тайше в верхней Утек из Тоболска сын боярский Дмитрий Черкасов да вож Килмаметко Бегишев, да с Тюмени служилые люди Лазарко Васильев, Офонка Табанак, да вож Карабашко Ишимов»²⁰. И Бегишев, и Ишимов упоминаются в отписке как «вожи», т.е. провожатые, знатоки местности. Кроме того, они, возможно, участвовали в процедуре оглашения жалованного слова²¹.

В 1630–1640-х гг. в документах упоминаются толмачи-бухарцы на русской службе. Так, в штате Томской воеводской избы был служилый бухарец, переводчик с монгольского языка Ермамет Шагалаков, который участвовал в посольствах в Джунгарию, Бухару, Самарканд и Ташкент. Из статейного списка 1636–1637 гг. посольства томского сына боярского С. Греченина и подьячего А. Самсонова к ойратскому Алтын-хану видно, что Ермамет переводил в ходе посольства «государево слово»²². В ходе посольства 1636–1637 гг. бухарец Ермамет также работал с ближайшими приближенными Алтын-хана, раздавая им царские подарки: «Алтын ж царь взял у него пистолет да саблю. И всего для государсково величества Ермаметко дал на 18 рублей»²³. В этом случае бухарец был вовлечен в процесс дарообмена.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 171.

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 169.

¹⁹ Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 90.

²⁰ Русская Историческая Библиотека. СПб.: Типография Пантелеевых, 1875. Т. 2. Стб. 447–448.

²¹ «Жалованное слово» – это специфическая клаузула царских наказов сибирским воеводам конца XVI–XVII в., представляющая собой прямое обращение царя к сибирским «иноземцам». См.: Конев А.Ю., Слугина В.А. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н.Н. Покровского / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск, 2020. С. 183–193.

²² Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. С. 34.

²³ Там же. С. 50.

Информация о дальнейшей деятельности бухарца Ермамета содержится в отписке томского воеводы С. В. Клубкова-Мосальского 1642 г. Из нее следует, что Ермамет толмачил в ходе поездки тарского конного казака Емельяна Вершинина в улус торгоутского тайши Дайчина²⁴. Согласно расспросным речам казака Вершинина, бухарца Ермамета «держал Тайчи-тайша у себя в улусе 2 годы сильно. И после де того посылал Тайчи-тайша ево, Омельку, и товарищев ево с своими людьми с торгом <...> А отпустит де ево, Ермометку, Тайчи-тайша в Томской весною нынешнего ж 151-го году»²⁵. Видимо, бухарец умело пользовался обстоятельствами и сочетал свою дипломатическую деятельность с торговлей. В дальнейшем известно также, что Ермамет вернулся в Томск и в 1673 г. получал государево жалованье в размере 8 руб.²⁶

Роль бухарцев как информаторов о военных опасностях раскрывает «извет» тобольских юртовских татар о посланном в поход Дюдюбьяке-царевиче от ойратского правителя Галдана в 1679 г. В тот год бухарцы сообщали сведения служилым татарам, передававшим информацию воеводе П.В. Шереметеву: «тоболские юртовские служилые татаровя <...> будучи они у Ямыша озера слышали от калмыков и бухарцов о том что Галдан контайша послал царевича Дюдюбьяка Багаева сына Камалая тайшу <...> и чают они от него царевича под государевы города и слободы с войною»²⁷.

В конце XVII в. одним из направлений пограничной дипломатии бухарцев становится империя Цин. Так, в период регентства Софьи Алексеевны в 1686 г. в Китай было послано посольство Ф.А. Головина для урегулирования пограничного конфликта в районе Албазинского острога и заключения Нерчинского договора. В этой связи одним из информаторов Ф.А. Головина стал бухарец Аксалеи Калимов, который сообщал сведения о состоянии Монголии, о войне Галдана Бошуктухана с монгольскими тайшами. Из отписки Ф.А. Головина в Сибирский приказ видно, что данный бухарец Калимов находился на торге в Таре, где его и допросил Ф.А. Головин: «сказал – родом де он Казачьи орды, а вышел из своей земли тому лет с 5 <...> а от Ямыша-озера пришед, жил в Урге»²⁸ у Бушухту-хана. И при нем де Бушухту-хан пошел войною на мунгал в прошлом же во 196 году зимою. И слышал де он в Урге, что у Бушухту-хана с мунгалы бои были зимою же»²⁹.

Таким образом, привлечение бухарцев к разведывательной деятельности в XVII в. могло осуществляться разными путями. Русские власти могли опрашивать приезжавших с торгом бухарцев, могли включать бухарцев в состав посольств, равным образом, как и посылать их в степи в качестве самостоятельных агентов.

Сибирские и оренбургские бухарцы в пограничной дипломатии XVIII в.

В XVIII в. бухарцы продолжали поставлять ценную разведывательную информацию российским властям. Создание в 1734 г. по инициативе И.К. Кириллова Оренбургской экспедиции в Южном Приуралье привело к тому, что Оренбуржье стало одним регионов, где проживали выходцы из Средней Азии.

Для оренбургских властей важнейшим документом, регулировавшим действия в отношении выходцев из Средней Азии, стала инструкция императрицы Анны Иоанновны начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову 18 мая 1734 г.,

²⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654... С. 229.

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ Там же. С. 79.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 46 об. – 47.

²⁸ Урга в XVII–XVIII веках – кочующая резиденция монгольских Богдо-ханов, затем – стационарное поселение, историческое название современного Улан-Батора.

²⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1686–1691. Сборник документов. М., 2000. С. 178.

где говорилось «Коль скоро Бог поможет основаться городом, и увидишься с Абульхайром ханом, то не отлагая вдаль, усмотря способность времени отправить малой караван с товарами прямо в Бухарию <...> и будучи в тех караванах стараться из тамошних мест сартов или купцов с товарами с собою приласкать, обнадеживая от опасностей, и что с ними порядочно и со удовольствием поступано будет, ссылаясь на привилегию нашу, чтобы сей путь в знание привести»³⁰.

Как видим, этот пункт инструкции обозначил перед оренбургским губернатором наряду со строительством новой крепости задачу поиска агентов из числа бухарцев.

Ряд источников позволяют говорить о том, что уже с момента основания Оренбургской экспедиции ее учредитель – И.К. Кириллов активно прибегал к сбору информации у бухарцев, названных в инструкции «сартами». Так в фонде Оренбургской экспедиции находится «сказка сарта о казахских ханах, городах Ташкент, Туркестан и разных других предметах» Нур-Мухаммеда Алимова, поданная им 15 мая 1735 г. в Уфе. Известно при этом, что Нур-Мухаммед много лет общался по торговым делам с башкирскими батырами и казахскими ханами Младшего жуза³¹, осуществлял транзитную торговлю через казахские степи между Ташкентским владением и поволжскими городами в 1734–1736 гг.³² Причина, по которой основатель Оренбургской экспедиции мог обращаться к бухарцу Нур-Мухаммеду, может быть найдена в самих документах И.К. Кириллова. Так, незадолго до своей кончины он направил в Кабинет министров в Петербург новый обширный план в отношении Средней Азии. Оценивая возможные перспективы установления торгового с Ташкентом, купцы которого раньше «никогда в России не торговали», Кириллов предложил проложить «через Ташкент в Индию и в Мунгалы, и в Хиву путь». Далее он писал, что намерен для выполнения этого плана отправить летом торговые караваны в Ташкент, Хиву и Бухару³³. Скоропостижная смерть Кирилова не позволила ему практически воплотить свой замысел, однако сбор сведений у бухарцев являлся частью подготовки караванной экспедиции.

Приемник И.К. Кириллова – первый губернатор Оренбурга – И.И. Неплюев, переместивший Оренбург со всем его населением на свое нынешнее место в 1743 г., начал создавать инфраструктуру, которая привлекла бы купцов из Казахской степи и Средней Азии. К началу 50-х гг. XVIII в. в Оренбурге уже имелись купцы, способные вести операции в Средней Азии³⁴.

Важность сообщаемых бухарцами сведений в середине XVIII в. подтверждается и тем, что на основании полученной от них информации командиры пограничных линий принимали решения о передислокации войск. В 1744 г. по «представлению командующих войсками на Иртышской и Тобольской линиях об отсутствии у джунгар намерений нападения на границы Сибири» были внесены изменения в план дислокации воинских частей³⁵. Аналогичные решения военного характера, принимаемые в зависимости от информации бухарцев, можно увидеть и на Оренбургской линии. Так в 1780-е гг. линия подвергалась частым нападениям. После

³⁰ ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX (1733–1736). № 6576. Стб. 325.

³¹ *Таймасов С.В.* Башкирско-казахские отношения. М., 2009. С. 259.

³² *Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т.* Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2007. Т. VI. С. 5.

³³ Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. С. 138.

³⁴ *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 205.

³⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685 гг. Сборник документов. М., 1996. С. 103.

получения сведений о бухарско-османских контактах с началом новой русско-турецкой войны оренбургский губернатор О.А. Игельстром в 1787 г. приступил к формированию нового башкирского полка³⁶.

Среди знаковых фамилий бухарцев в XVIII в., которых безусловно можно отнести к агентам, следует назвать Шиховых из сибирского г. Тары. Время появления Шиховых в Сибири остается дискуссионным вопросом. Клан Шиховых, обосновавшийся в Тарском уезде, происходил из г. Сайрама в среднем течении р. Сырдарья³⁷. Его представители уже в XVIII в. выполняли ряд дипломатических и разведывательных поручений российских властей. Заметными фигурами на этом направлении был Алим Шихов и его сын – Мурзалея³⁸.

В начале 1740-х гг. сибирская администрация остро нуждалась в знании о быстро меняющейся расстановке политических сил в степи³⁹. 9 апреля 1742 г. Сибирская губернская канцелярия направила определение в Коллегию иностранных дел, в котором сетовала, что в Сибири нет «...такого способного и искусного человека...», которого можно было бы в Степь «...для разведывания о тамошних обращениях послать, как то для здешней предосторожности и уведомления в Иностранную коллегию весьма потребно»⁴⁰.

Согласие А. Шихова на осуществление под видом торговли разведывательной деятельности в казахских и джунгарских улусах было связано в том числе с активной ролью тарских бухарцев и, в частности, самого Алима Шихова в распространении ислама среди тюркского населения Барабинской степи⁴¹. Есть основания полагать, что миссионерская деятельность Шиховых могла быть связана в том числе и с их происхождением из г. Сайрама. Из этого же города примерно в это же самое время происходил Давлат Шах ибн Абд ал-Ваххаб ал-Испиджафи, шейх братства Йасавийа. Давлат Шах ал-Испиджафи также написал по меньшей мере два суфийских трактата, один из которых датирован 1692 г. и был найден и издан А.К. Бустановым⁴².

В то же время проповедь ислама являлась нарушением российского законодательства и повлекла за собой привлечение Алима Шихова к следствию Тобольской «комиссией о татарах и бухарцах», разбиравшей конфликт новокрещенных татар и сибирского митрополита Сильвестра (Гловацкого), с одной стороны, и сибирских мусульман – татар и бухарцев, с другой стороны⁴³. С закрытием тобольской комиссии Алим Шихов был признан невиновным, так как уже через несколько лет его можно увидеть в новой экспедиции. Есть основания полагать, что конечное снятие обвинений с Шиховых связано в том числе и с их значимой ролью в пограничной дипломатии.

³⁶ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения. М., 2009. С. 226.

³⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 208; Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992. С. 84.

³⁸ Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4. С. 140–149; Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. С. 62.

³⁹ Крих А.А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 36.

⁴⁰ Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 179.

⁴¹ Потанин Г.Н. О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1868. Кн. 2. С. 41; Frank A. Varieties of Islamization in Inner Asia: The Case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // Cahiers du Monde russe. Vol. 41. № 2/3 (Apr. – Sep., 2000). P. 245–262.

⁴² Бустанов А.К. Говорить «по-бухарски»: персоязычные тексты в Российской империи // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 4. С. 81–92.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 889. Л. 3.

Сын Алима – Мурзалея Шихов, согласно рапорту 1756 г. в Сенат сибирского губернатора Ф.И. Соимонова, выполнял особые поручения в Среднем жузе: «для пропуску его за купечеством в киргиз-кайсацкие улусы и выпуску у них киргисцов находящихся в плену разных родов и верноподданных Е.И.В. всякого звания народов, и родственников своих пленных во время замешания Зюнгорской земли»⁴⁴.

Миссия Мурзалея Шихова в степи затрагивала интересы не только сибирских, но и оренбургских властей – в нее был вовлечен в том числе губернатор И.И. Неплюев. Она интересна еще и потому, что показывает осведомленность российской дипломатии о контактах казахов с империей Цин. В это время с началом третьей ойратско-маньчжурской войны в 1755 г. Джунгария оказалась перед натиском империи Цин. Располагая малыми военными силами на сибирской пограничной линии, Россия столкнулась с экспансией Цин на территории казахского Среднего жуза, правитель которого – Аблай-хан принял сюзеренитет империи Цин в 1759 г.

Любопытно, что вопросный лист для разведки Мурзалея Шихова в 1758 г. сибирский губернатор Ф.И. Соимонов разрабатывал вместе с оренбургским И.И. Неплюевым: «а между тем представлено было господину действительному тайному советнику кавалеру и Оренбургскому губернатору Неплюеву с требованием в какой силе ему Шихову о тамошних заграничных обращениях разведать надлежит резолюции»⁴⁵. Миссия была успешно выполнена. Судя по всему, информация о контактах Абылай-хана с империей Цин была доставлена Мурзалеем Шиховым не в Тобольск, а в Оренбург, т.к. Мурзалея Шихов назван посланцем Оренбургской канцелярии⁴⁶.

Таким образом, в 1740–1760-е гг. можно проследить роль Шиховых в разведке на границах России, соприкасавшихся с империей Цин и Средним жузом. Возвращаясь к тезису Дж. Бербанк об «имперских посредниках», необходимо уточнить, что в случае с Шиховыми их деятельность как мусульман-бухарцев в степях южной части Сибири не всегда была связана с выполнением поручений империи – как видно из материалов «комиссии о татарах и бухарцах», они также проповедовали и ислам.

Однако Шиховы были не единственной фамилией бухарцев, занятых в разведывательной деятельности. С началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. один из сибирских бухарцев – «надежный конфидент» под видом торговца – был направлен на разведку в Бухару по приказу нового командира сибирской линии – Густава Эрнста фон Штрандмана. К сожалению, выяснить имя информатора пока не удалось. Из сохранившего рапорта Штрандмана 1791 г. руководителю коллегии иностранных дел канцлеру Безбородко, выявленного мной в фонде Сибирского приказа, следует, что сибирским бухарцам удалось выяснить факт сношения бухарского хана с Османской империей, ведшей переговоры о совместных действиях против России: «По вступлении моем в командование Сибирским корпусом в 1789 г. открылось здесь известие, что Порты Оттоманская прислав в Бухарию с нарочными письма, соглашает народ сей к восприятию против России на здешний край оружия. Я в то же время для узнания истины посылал со здешней линии надежного конфидента»⁴⁷.

Есть основания полагать, что Штрандман получил сведения именно от сибирских бухарцев. Данные о бухарско-османских контактах в этот период, добытые

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 889. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

⁴⁶ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. С. 375.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

«конфидентом» Штрандмана, подтверждаются независимым источником. В фонде архива кабинета премьер-министра в Стамбуле сохранились документы, показывающие, что Порта пыталась убедить бухарского правителя выступить совместно против России – для этих целей в Бухару в 1785 г. прибыл посланник Мехмед Саид-ага. От бухарского хана Мир-Масум-шаха Мурада (1785–1800) османский султан требовал выступить против России. По замыслу Порты, бухарцы должны были организовать пропаганду идей газавата среди «казахов и киргизов» Дешт-и-Кыпчака. Впрочем, выступить на стороне Османов в этой войне Бухара не смогла⁴⁸.

Выводы

На основании изложенных фактов мы полагаем возможным говорить о том, что в течение XVII–XVIII вв. бухарцы выступали в качестве посредников между различными акторами на степном пограничье формирующейся Российской империи. Они участвовали в переговорных процессах в роли переводчиков, включались в состав посольств, могли быть допущены до дипломатического церемониала и участвовать в дарообмене. В этих случаях они выступали как посредники – агенты челночной дипломатии, практиковавшейся сибирскими воеводами на степном пограничье. Русские власти могли опрашивать приезжавших с торгом бухарцев, равным образом как и посылать их в степи в качестве самостоятельных агентов. География их миссий включала в себя улусы Кучумовичей, казахских ханов, ойратов, империю Цин.

Таким образом, на протяжении XVII–XVIII вв. бухарцы выполняли важную функцию информаторов российских властей. Поставляемая бухарцами информация влияла на принимаемые военно-политические, например, на дислокацию войск на Сибирской пограничной линии. Следует согласиться с мнением А.А. Крих, что представители элиты бухарцев выполняли различные политические поручения сибирских пограничных структур, а разведка была неотъемлемой частью не только предпринимательства, но и лидерских устремлений.

Привлечение воеводами, а позднее и губернаторами бухарцев к выполнению разведывательных функций позволяло сибирским и оренбургским властям проводить более эффективную политику в степном пограничье, опирающуюся на знание местных реалий. Сведения, сообщенные бухарцами, могли быть использованы русскими властями для составления чертежей и карт, информирования воевод пограничных уездов о военных опасностях, передвижениях войск, выстраивании дипломатических переговоров и других целей.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.09.2020

References

- Bahrushin, S.V. *Nauchnie Trudy*, vol. 4. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
Bakieva, G.T. “‘To be in Tobolsk among Tatar chiefs...’ (From the family history of the Tatar servicemen Kulmametev).” *Siberian Historical Research*, no. 4 (2015): 10–29 (in Russian).
Belyakov, A.V., and Maslyuzhenko, D.N. “Siberian-Bukharan-Nogai Relations in the Light of Correspondence between Abdallah, the Khan of Bukhara, and Kuchum, the Khan of Siberia.” *Stratum Plus*, no. 6 (2016): 229–243.
Bukanova, R.G. *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istorii stanovleniia gorodov na territorii Bashkirii*. Ufa: Kitap Publ., 1997 (in Russian).

⁴⁸ Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. С. 107.

- Burbank, J., and Cooper, F. *Empires in World History: Power and the politics of difference*. Princeton University Press, 2010.
- Bustanov, A.K. “Speaking Bukharan: Persian texts in Imperial Russia.” *Islam in the modern world* 12, no. 4 (2016): 81–92.
- Bustanov, A.K., and Korusenko, S.N. “Genealogies of the Siberian Bukharans: the Shikhovs.” *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 4 (2014): 140–149 (in Russian).
- Erofeeva, I.V., and Zhanaev, B.T. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. Vol. 6 of *Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnym stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dajk-press Publ., 2007 (in Russian).
- Frank, A. “Varieties of Islamization in Inner Asia: The Case of the Baraba Tatars, 1740–1917.” *Cahiers du Monde Russe* 41, no. 2/3 (Apr.–Sep., 2000): 245–262.
- Hafizova, K.S. *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII–XIX vekakh*. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK Publ., 2019 (in Russian).
- Hafizova, K.S., and Moiseev, V.A. eds. *Tsinskaia Imperiia i kazahskie khanstva. Vtoraia polovina XVIII – pervaiia chetvert' XIX vv.*, prt. 1 Alma-Ata: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Konev, A.Y., and Slugina, V.A. “‘Zhalovannoe slovo’ v nakazah sibirskim voevodam: k voprosu o proiskhozhdenii i evolyucii formulyara.” In *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arheografii: k 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk Rossiiskaia: Akademiia Nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii Publ., 2020, pp. 183–193 (in Russian).
- Krih, A.A. “Exploration Activity of the Siberian Bukharians in the Kirghiz Steppe in the 18th Century.” *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies,”* no. 2 (2019): 35–42. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.35-42 (in Russian).
- Makhmutov, Z.A. “The roles and activities of Tatar mullahs in Kazakhstan, 18th to mid-21st century.” *RUDN Journal of Russian History*. 20, no. 1 (2021): 61–73 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriia Sibiri*, vol. 1. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1999 (in Russian).
- Potantin, G.N. “O karavannoi torgovle s Dzhungarskoi Bukhary v XVIII stoletii.” In *Cheniia v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh*, book 2, prt. 5. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1868, pp. 21–113 (in Russian).
- Potantin, G.N. *Materialy dlia istorii Sibiri*. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1867 (in Russian).
- Puzyrev, I.D. “O nachal'nom periode shertovaniia sibirskikh bukhartsev.” *Voprosy istorii Sibiri*, vol. 16. Omsk: OmGPU Publ., 2019, pp. 140–144 (in Russian).
- Ross, D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2020.
- Sirik, V.A., ed. *Sultany i batyry Srednego zhuzha (vtoraia polovina XVIII v.): sbornik dokumentov*. Almaty: Litera-M Publ., 2018 (in Russian).
- Taymasov, S.U. *Bashkirsko-kazahskie otnosheniya*. Moscow: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2012 (in Russian).
- Tyzhnov, I.I. *Ocherki po istorii Srednei Sibiri XVII–XVIII stoletii*. Tomsk: Tomskogo universiteta Publ., 2013 (in Russian).
- Vasil'ev, A.D. *Znamia i mech ot padishakha. Politicheskie i kul'turnie kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI – nachalo XX vv.)*. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN Publ., 2014 (in Russian).
- Vas'kov, D.A. “Otpiska tobol'skikh voevod o russkikh posol'stvakh k sibirskomu tsarevichu Devlet-Gireyu v 1645–1646 gg.” *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiya, filologiya* 14, no. 1 (2015): 158–166 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Пузырев Иван Дмитриевич, младший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, аспирант департамента истории НИУ ВШЭ в г. Санкт-Петербурге.

Ivan D. Puzyrev, Junior researcher of the Federal Research Center, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; PhD student of the Department of History, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.